

Явление это говорит за то, что в истории татарского языка чередование $p \parallel z$ было довольно распространенным. Поэтому отрицание его Б. А. Серебренниковым не оправдано.²⁹ К этой же категории примеров следует отнести и имена *Жөри* || *Йөзи*, топонимические названия *Қандыр* || *Қандыз* (от *қандыз* 'бобр'), слова *күр* || *күз*. Смысловая тождественность последних более заметна в производном от *күз* — *күзәт*.

Несомненно к числу проявлений ротацизма относится одно топонимическое название, слышанное мною в Кушнаренковском р-не Башкирской АССР во время моего пребывания там в составе историко-этнографической экспедиции КФАН СССР. Старожилы с. Талбазы (населенного тептярями), наряду со многими другими интересными сведениями, сообщили мне название одного из их полей: *Шар-басу*, где *басу* 'поле', а что означает *шар* — мне никто не мог сказать. Однако, заподозрив здесь проявление ротацизма и чередование звуков $ш \parallel с$, я спросил своего собеседника, нет ли на этом поле заболоченности, и получил ответ, что заболоченность имеется и там ныне колхозники добывают торф. После этого не осталось никакого сомнения в том, что слово *шар* в современном языке татар тождественно слову *саз* 'болото'. Семантически это слово возводится Г. Алпаровым к тюркскому *су* 'вода'.³⁰

В свете этого заслуживает внимания тот факт, что на административной карте Татарской АССР села с названием *Сарсаз* преимущественно расположены на заболоченных местах у поймы, — например, Русский *Сарсаз* (Чистопольский р-н) на левобережье р. Камы, *Сарсаз-Тралы* и *Сарсаз-Гора* (Мензелинский р-н) на левобережье р. Ик. В данном случае название это образовано из парного слова *шар-саз* 'болото' путем замены фонемы *ш* фонемой *с*, на основе регрессивной ассимиляции. Что касается чередования звуков $с \parallel ш$, то оно, как диалектальное явление, имеет место в татарском языке (*шугыш* вместо *сугыш*, *шөйләшү* вместо *сөйләшү* и др.).

Кроме того, *шар* имеется и в таком топониме, как *Шаршад* (Красноборский р-н ТАССР), который, по-видимому, равнозначен *Сарсаз* (*Шаршад*), но построен на принципе уже других звуковых соответствий (например $p \parallel z \parallel й \parallel д$, о чем речь будет ниже).

²⁹ Б. А. Серебренников. К вопросу о действительных взаимоотношениях. . . , стр. 73.

³⁰ Г. Алпаров. Избранные труды, Казань, 1945, стр. 306.

Таким образом, в приведенных примерах мы безусловно имеем болгарские формы языка, сохранившиеся в топонимике Башкирии и Татарии. Как в первом, так и во втором случае соответствие этих древних форм языка болгар древности указанных населенных пунктов как бы подтверждает зафиксированный впервые нами в эту поездку клад золотоордынских монет XIV в. в с. Талбазы и имеющиеся болгарские надгробия XIV в. у с. Русские Сарсазы.

Но самый выразительный пример пережитка бытования ротацизма в татарском языке, наследования его болгарскому языку мы видим в татарском выражении *кыз-кыркын* с собирательным значением слова *кыз* 'девушка'.³¹ Слово *кыркын* в отдельности означает пленницу. Однако — аналогично выражениям, состоящим из двух слов одного и того же смысла, — значению *кыз* в данном случае соответствует *кыр*.³²

На болгарских эпитафиях II стиля часто встречается термин *هير* 'его дочь', например: *رمضان هير سیت* — „дочь Рамазана Сайта“. На некоторых же эпитафиях II стиля (XIII—XIV вв.) имеется выражение *هير حوم* (табл. 5, 7, 13). Сопоставление этих двух выражений дает понятие „девушка“ в трех формах: *кыз* || *кыр* || *hir* (*هير*). Однако из выражений *кыркын* и *هير حوم* остается непонятым *кын* и *حوم*.

Проф. В. Г. Егоров в своей книге раскрывает одно забытое у чуваш, но сохранившееся в сказке „Пике“ выражение — *Хйрхйм*.³³ Вторую половину этого выражения, *хйм*, он отождествляет с древнетюркским *кйн* 'рабыня' (из большой надписи Кюль-Тегина) и этимологизирует выражение: *хёр* 'девушка', *хйм* 'рабыня', 'служанка'.

Расчленив и сопоставив все три выражения —

Татарский	Болгарский	Чувашский
<i>кыркын</i> 'пленница'	<i>هير حوم</i> ?	<i>хёрхйм</i> 'девушка-рабыня'
<i>кыр</i> 'девушка'	<i>هير</i> 'девушка', 'дочь'	<i>хёр</i> 'девушка'
<i>кын</i> ?	<i>حوم</i> ?	<i>хйм</i> 'рабыня'

³¹ Шаихзаде Бабиç, Избранные произведения, Казань, 1958, стр. 127.

³² Например, в подобного рода выражении *бала-чага* слова *бала* и *чага* — одного и того же смысла: „дитя“.

³³ В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык, стр. 43.

— убеждаемся в смысловом соответствии слов и второй половины этих выражений: *қын* — *حوم* — *хӓм* 'рабыня', 'пленница'. Из сопоставления *қыр* — *хёр* — *هير* (*hir*) видим чередование звуков *к* — *х* — *h*.³⁴ Короче, татарскому *к* соответствуют болгарские *х* и *h*. Чередование *h* — *х* является характерным для татарского языка и ныне: так, вместо *hэм* часто говорят *хэм*, а вместо *шэһэр* — *шэхэр*.

Здесь, кстати, нужно указать на приведенные выше разнописания одних и тех же числительных: *بيال* — *بل* 'пять', *جور* — *جوړ* 'сто', *ال* — *الو* 'пятьдесят', *تواتم* — *تواتم* 'четвертый', *وان* — *ون* 'десять' и др., что, очевидно, является следствием диалектальных особенностей болгарского языка. Возьмем числительное 10 — *وان* — *ون* в болгарском и *اون* в татарском языках. В первом варианте болгарское *وان*, очевидно, нужно произносить протяжно: *оон*; во втором же *ون* — кратко: *он*. Подобно этому звучит и двойко пишущееся порядковое числительное *تواتم* — *تواتم* от количественного *توت* — *тот* и *توات* — *тоот*. Подобным же образом обстоит дело и с произношением других числительных, например: *وطر* — *отор*, *طحر* — *тохор*, наподобие *отоз*, *токоз*. Получается впечатление, что в языке самих памятников II стиля проявляются две формы окающего диалекта — *оон* и *он*. То же, очевидно, вытекает и из двойкого написания термина „день“: *كوان* — *كون* (иногда *كن*).³⁵ Наиболее ясно виден окающий характер древнеболгарского языка на примере болгарских заимствований в марийском языке, например: *ояр* 'ясный', *окса* 'деньги', *орва* 'телега', *мотор* 'красивый', *олма* 'яблоко',³⁶ вместо татарских *аяз*, *акча*, *арба*, *матур*, *алма*, причем болгарское происхождение первого слова с его ротацизмом, кажется, не оставляет сомнения.

То же самое болгарское „оканье“, как нам кажется, звучит и в удмуртском языке (*оксиз* 'сирота', *ось* 'месть', *курбон*

³⁴ Ин. ересчо отметить наличие на одной эпитафии (табл. 27) написания *هير* вместо *حير*.

³⁵ Быть может, мы здесь имеем два диалекта — болгарский и суварский, упоминаемые М. Кашгарским.

³⁶ И. Ф. Андреев, Д. И. Иванов, К. Ф. Смирнов, Русско-марийский словарь. Йошкар-Ола, 1946.

‘жертва’, *мотор* ‘красивый’, ‘стройный’, *ултон* ‘ подошва’, *юлтош* ‘друг’, ‘товарищ’) наряду с „аканьем“ поздних его заимствований от татар (*мактан* ‘хвала’, *масхара* ‘смешной’, *таза* ‘здоровый’).³⁷

Несомненно, с этим „оканьем“ болгар нужно связывать и общеизвестное произношение в современном татарском языке гласного *a* приближенно к *o*. Исходя из сравнения татарского и чувашского языков, историческое восхождение этого явления к языку болгар подчеркивает в своем новом труде и Л. Заляй. Таким образом, в болгарском языке преимущественно был „окающий“ говор.³⁸ Возможно, как уже отмечалось, что диалектными особенностями болгарского языка

нужно объяснять разное написание числительных: *جیات* — *جيام* ‘семь’, *جيرم*, *جيرم*, *جرم* ‘двадцать’. В трех вариантах зафиксирована глагольная форма *آت*, *ات*, *اج*, причем произношение числительного *جيرم* — *جرم* ‘двадцать’ — явление, аналогичное диалектной особенности татар нагорной стороны ТАССР,³⁹ в произношении некоторых слов опускающих звук *g* (так, вместо *тегерман* говорят *тирмэн*, вместо *джигерме* — *джирме*). Известно, что в сравнении с южнотюркскими языками казанско-татарский язык отличается употреблением в конце некоторых слов фонемы *و* вместо *ع*, например: уйгурское *باع*, *تاع*⁴⁰ — татарское *باو*, *تاو*; уйгурское *أليم*⁴¹ — древнеболгарское *الو* (табл. 29). Следовательно, характерное для татарского языка *و* исторически восходит к древнеболгарскому

³⁷ Удмуртско-русский словарь. М., 1948.

³⁸ Л. Заляй. Материалы по исторической фонетике татарского языка. Казань, 1954, стр. 28.

³⁹ Диалектологический словарь, ч. III. Казань, 1958, стр. 155.

⁴⁰ Н. А. Баскаков, В. М. Насилов. Уйгурско-русский словарь. М., 1939, стр. 144.

⁴¹ С. Е. Малов. Два уйгурских документа. Ташкент, 1927, стр. 10 (там имеется числительное 52, которое С. Е. Маловым транскрибируется *Алиг ики*); П. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. Зап. Вост. отд. Русск. Археолог. общ., т. XII, 1899, вып. 2—3, стр. 95.

языку. Поэтому едва ли справедливо будет отрицать наличие дифтонгов и в языке болгар XII—XIV вв.⁴²

На нескольких памятниках нами обнаружено числительное *حرج* 'сорок' (табл. 26).⁴³ Факт этот вместе с встречающимися *حیراتلو, ایع, طحر*⁴⁴ говорит о наличии в болгарском языке фонемы *ح*, что ранее отрицалось некоторыми лингвистами.⁴⁵

Нельзя согласиться с тем, что она вошла в татарский язык через „книжные арабский, персидский и др. языки“.⁴⁶

Чередование *ح* || *ق* у хазар отмечено С. П. Толстовым (*қахан, хақан, қаған*); это соответствует делению хазарского языка на восточный и западный диалекты.⁴⁷ Поэтому очень возможно, что такое чередование имело место и в древнеболгарском языке и фонема *ح* не является результатом влияния „финноугорского субстрата“.⁴⁸ Поэтому естественно наследование этого чередования и в языке казанских татар. Согласно определению казанского нумизмата А. Б. Булатова, на некоторых болгарских монетах в слове *بلغار* (*Блгар*) вместо *ع* употреблена фонема *م*: *بلخار* (*Блхар*).⁴⁹ Пережиточное употребление этого звука вместо *ق* мы видим на памятнике XVI в. (*توقوز* вместо *توحوز*) с кладбища с. Епанчино Лаишевского р-на ТАССР (табл. 60). То же самое мы наблюда-

⁴² Д. М. Сарманова. Диалектические особенности языка среднеуральских татар. Казань, 1949, стр. 7. (Автореферат канд. диссертации).

⁴³ Такое числительное (*حرج* — *хырых*) отмечает и Н. И. Ашмарин (Болгарские надписи... стр. 19).

⁴⁴ И. Березин. Булгар на Волге, стр. 103.

⁴⁵ Л. Залая. К вопросу о происхождении татар Поволжья... стр. 85.

⁴⁶ Н. Б. Бурганова. Особенности говора татар нагорной стороны ТАССР. Сб. „Материалы по диалектологии“, Казань, 1956, стр. 37.

⁴⁷ См. выступление С. П. Толстова на сессии Академии наук СССР, посвященной вопросу происхождения казанских татар: сб. „Происхождение казанских татар“, Казань, 1948, стр. 139.

⁴⁸ Б. А. Серебряников. К истории звуков чувашского языка. Уч. зап. Научно-исслед. инст. яз., лит., ист. и экон. при Совете Министров Чув. АССР, вып. XIV, Чебоксары, 1956, стр. 83.

⁴⁹ А. Б. Булатов. Светицкий и Альмежевский клады, найденные на бывшей территории Болгарского государства. (Рукопись; хранится в архиве КФАН СССР).

даем на эпитафии XVIII в. (табл. 76), где вместо ⁵⁰قطايى мы читаем ^{قطايى}. В древней исторической литературе о булгарах факт этот (قطايى вместо ^{قطايى}) имеет место в ^{جوامع التواريخ}, ^{بلعاريه} ^{نواريح} и других произведениях.⁵¹ Отсюда понятно наличие чередования ^{ق—ع} в говорах татарского языка, например употребление ^ق вместо ^ع: ^{Сэлэқ} || ^{Сэлэх}, ^{Исқақ} || ^{Исхақ}, ^{қатын} || ^{хатын}, ^{қалық} || ^{халық}, ^{Салиқ} || ^{Салих}, ^{Қатип} || ^{Хатип}, ^{қат} || ^{хат}, ^{қэбэр} || ^{хэбэр}, ^{қач} || ^{хач};⁵² имеет место и обратное явление, т. е. употребление ^ع вместо ^ق: ^{вахыт} || ^{вақыт}, ^{хэберлек} || ^{қэберлек} и др.

Здесь следует остановиться еще и на факте своеобразного написания на эпитафиях II стиля слов ^{دنپادان}, ^{طندوى}, ^{هجرة دان}, которые преимущественно написаны вместо ^د через ^ر. В отношении одного из них — ^{طندوى}, — исходя из традиционной точки под ^ر в одной надписи, зафиксированной Г. Ахмаровым, Н. И. Ашмарин допускает чтение его через ^ر: ^{طنروى}.⁵³ Так же читает его О. Прицак.⁵⁴ Написание указанных слов через ^ر вместо ^د мы можем проследить в нашем приложении в следующих надписях: табл. 3, 5, 11, 23, 30, 31, 48, текст 1. В одном из них над ^ر имеется точка, позволяющая читать это слово как ^{دنپازان} (табл. 11). Встречающаяся традиционная точка под ^ر устраняет подозрение в простом сходстве в написании ^د и ^ر, т. е. в палеографической небрежности писца. Явление это следует рассматривать как закономерное чередование звуков ^د и ^ر. Из наличия на эпитафиях форм ^{دنپادان}, ^{دنپازان}, ^{دنپاران} вытекает соответствие звуков

⁵⁰ „Катайский“ — от известного среди тюркских народов эпонима „^{قطايى}“ (^{қатпай}).

⁵¹ Шараф ад-дйн Булгарй. История Булгарии, стр. 13; А. Саади. Новый материал по истории татарской литературы древней эпохи. Казань, 1927.

⁵² Н. Б. Бурганова. Особенности говора татар. . . , стр. 31—32.

⁵³ Н. И. Ашмарин. Булгары и чувашы, стр. 97—98.

⁵⁴ О. Pritsak. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren, стр. 87.

د || ز || ر. Чередование *д || э* мы встречаем в таких примерах (из татарского языка):

йодрык — йозрык 'кулак'
 сидрәй — сизрәй 'изнашиваться'
 кода — коза 'сват'
 бодай — бозай 'пшеница'
 адак — азақ 'нога'

Примеры чередования *д || й*:

коды — койы 'колодец'
 иде — ийе 'да'

Чередование звуков *д || р*:

бодай — борай 'полба' (разновидность пшеницы)
 тудун — турун

Соответствие орхоно-енисейского *д* чувашскому *р* (*тудун — турун*) ранее было замечено и В. Г. Егоровым.⁵⁵ Здесь не безынтересно заметить употребление в татарской литературе слова *турун* в смысле „внук“.⁵⁶ Из всего этого соответствия фонем *д || э || р || й* в материале эпитафии имеет место *р || з* и *р || д* (в *دنپازان || دنپادان || دنپاران* и в *جوز || جور*).

Из небольшого лексического материала мы здесь должны констатировать такие звуковые переходы в болгарском языке, как *д || з*, *д || р*, *д || с*, *д || т* и др. Например, последние два перехода становятся ясными хотя бы из написания имени *Зобъйдä* (что и сейчас имеет место среди казанских татар) в виде *سَبَيْت* (*Собъйтä*, табл. 43). Кроме того, в языке памятников II стиля звуки *т* и *с* заменяют *д* и *э*:

ایدی ایردی — ات
 دورت — توات
 سَیْدَه⁵⁷ — سَیْت
 بولدی — بِلْت || بِلطوی

Для памятников же I стиля, т. е. новоболгарского языка, типично употребление звука *д*. Говоря об этом явлении,

⁵⁵ В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык, ч. I, стр. 22, 41.

⁵⁶ Муса Джалил. Алтынчеч. Избранные произведения, т. II, Казань, 1955, стр. 35.

⁵⁷ Женское имя *Сайдä*, по-болгарски *Сайтä*.

характерном, по словам С. Е. Малова, для наиболее древней стадии тюркского языка, Л. Заляй отмечает, что татарский язык в процессе своего развития перенял звук *t* от болгар и сувар, а звук *d* — от огузов и кипчаков.⁵⁸ Чередование этих звуков в диалектах татарского языка ныне является фактом довольно распространенным:

<i>tävä</i>		<i>дӱвӱ</i>
<i>пышылтау</i>		<i>пышылдау</i>
<i>горселтӱй</i>		<i>горселдӱй</i>
<i>тиде</i>		<i>диде</i> ⁵⁹

Следующей особенностью языка памятников II стиля являются встречающиеся в них выражения, которые по своим грамматическим формам напоминают памятники I стиля.

Например:

فانى دنيادين باقى احرت كا رحلت طنروي⁶⁰

أَحْرَةَ بَطْرُوى هَجْرَةَ رَانَ الطَّجُورِ (табл. 3);

فانى دنياران باقى اد[رة] رحلة طنروي (текст 1);

فانى دنياران ... باقى احرة يطوى (табл. 30);

دنياران سفرط[نروي] (табл. 39);

دنيازان كو حروي (табл. 11);

فانى دنياران [كجروي] (табл. 33);

دنياران رحلة طنروي (табл. 48);

الله رحمة اطنظم (табл. 50);

طنطرم حو بلع (табл. 3).

⁵⁸ Л. Заляй. Материалы по исторической фонетике..., стр. 74.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Г. Ахмаров. История Булгарии, стр. 124. — Некоторое недоверие в этом примере вызывает форма *احرت كا*: это слово всегда встречается в виде *احرة*, в данном случае оно, возможно, было искажено при списывании Г. Ахмаровым. То же самое надо полагать в отношении слова *دنيادين*, которое пишется на эпитафиях XIV в. в форме *دنياران* или *دنيادان*.

По поводу первого из них в свое время Н. И. Ашмарин подметил, что в данном случае „чувашиские формы перемешаны с джагатайскими“.⁶¹ В целях уточнения мы должны сказать, что здесь действительно имеет место смешение древнебулгарских форм с новобулгарскими. Вообще факт этот надо расценивать как показатель бытования у болгар в то время (XIV в.) языка памятников I стиля — новобулгарского языка; употребление его частично в надгробиях II стиля следует считать лишь дополнением к отжившим формам древнебулгарского языка, превратившегося к этому времени в язык надгробий. В частности, об этом свидетельствует наличие наряду с часто употребляемой на камнях II стиля древней формой *وفات بلطوی* формы *وفات блт* (табл. 28). Все эти глагольные формы, несмотря на их морфологическое своеобразие, мы легко можем сопоставить с современными татарскими:

тынды (түнде) — тындүви — тынрүви *طندوی* — *طنروی*
 ятты — йатүви *یطوی*
 батты (не в смысле утонул) — батүви *بطوی*
 кучте — күчрүви *کوحروی* }⁶²
 кичте — кічрүви *کچروی* }
 вафат булды — вафат былтүви⁶³ *وفات بلطوی*
 вафат булты *وفات блт*
 „ *وفط بلطی ده*

В татарском языке мы и сейчас имеем такие своеобразные морфологические формы, как *бармалы*, *булдачи* (характерные для западного диалекта), *кичү*, *итенү* и др., которые раньше, очевидно, имели более широкое употребление. Ныне бытующая страдательная форма *итену* в смысле „делать“ (*син ни итенеп йörисең* ‘что ты ходишь — делаешь’ или ‘что ты делаешь — ходишь’) интересна в свете толкования О. Прицаком *اطنروی* как *قیلاری* ‘сделал’. Синонимом последнего ныне имеем *итте*, что видим из часто встречаемого выражения на татарских эпитафиях XIX—XX вв. — *الله رحمت اتسن*, тождественного также часто встречаемому *الله رحمت قیلسون*. Отсюда, возможно, как *اطنروی*, так и *اطنظم* есть производные от глагола *итену*

⁶¹ Н. И. Ашмарин. Болгары и чувашаи, стр. 97.

⁶² Эта форма очень редко встречается (см. табл. 11, 33).

⁶³ Быть может, этот часто встречаемый термин в такой форме следует читать как *бәлтөө* с протяжным окончанием прошедшего времени.

Одну из особенностей — архаичность древнебулгарского языка — очевидно, нужно объяснить, кроме причин социального порядка, и географическим положением булгар, т. е. отдаленностью их от центра тюркской речи.

Итак, обзор языка памятников I и II стилей указывает на существование некогда у булгар двух последовательно сменявшихся друг друга языков — древнебулгарского и новобулгарского, — принадлежавших одному, единому в социально-этническом отношении народу: волжским булгарам.⁷⁴ Последнее убедительно доказывается наличием на одних и тех же кладбищах камней I и II стилей.

Чтобы судить о роли древнебулгарского языка надгробий II стиля в создании современного казанско-татарского языка, недостаточно простого языкового сопоставления, а следует подойти к этому вопросу исторически. Вследствие ряда военных ударов, обрушившихся на Булгарское государство во второй половине XIV в. и в начале XV в., оно претерпевает глубокие изменения в своем внутреннем устройстве и в дальнейшем превращается в ханство Казанское.⁷⁵ С этих пор основным центром сосредоточения населения его становится Казань, названная в летописях Новым Булгаром.⁷⁶ Об этом же говорят слова русских летописей: „Болгары рекше на Казань“, „на Булгарского князя Асана еже ныне глаголются казанцы“.

Древнее булгарское население, несмотря на ряд потрясших край исторических событий, осталось на своей прежней территории. Однако оно претерпело значительные изменения как в отношении языка, так и названия. Отчасти это было обусловлено воздействием других тюркских и местных финно-угорских племен.

В свою очередь, булгарский язык не мог не повлиять на язык других этнических групп, составных частей многоплеменной Булгарии (предков чуваш, удмуртов, мари и др.), в языке которых мы видим и ныне значительные следы этого далекого прошлого. Так, для удмуртов на территории Татарии и сопредельных с ней районов характерно сильное джоканье, не говоря уже о лексической стороне их языка, богатого булгаро-татарскими элементами. Близость волжских булгар к зоне оживленного движения огузов и кипчаков

⁷⁴ П. Н. Третьяков. Вопрос о происхождении чувашского народа в свете археологических данных. Сов. этногр., 1950, № 3, стр. 52.

⁷⁵ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение, стр. 246.

⁷⁶ История Татарии в материалах и документах. Казань, 1937, стр. 122.

при их принадлежности к тюркской системе языков и культуре способствовала все большему и большему обновлению довольно архаической формы болгарского языка, который впоследствии у болгар исчез как разговорный язык. В результате возник новоболгарский язык (кипчакского типа), близкий к современному казанско-татарскому языку. Чередование в нем звуков *к* — *ç* (*чоґыр* вместо *чоқыр*, *çоe* вместо *коe*), имеющее место в Камско-Устьинском р-не ТАССР⁷⁷ нужно считать огузским элементом. Наличие среди наших памятников такого этнонима и титула, как *төркмән* и *инāl* (табл. 7, 16), дает также основание предполагать большие болгаро-огузские языковые связи на почве политико-этнических отношений в эпоху, когда Волжская Булгария вела торговлю с Хорезмом через земли огузов.⁷⁸

„Кочевники, — говорит проф. А. П. Смирнов, — представленные племенами, входившими, судя по памятникам материальной культуры, в число сармато-аланских племен, являлись булгарами, т. е. одним из племен, входивших в болгарский союз племен, по которому они и могли получить свое имя, подарив его, в свою очередь, одному из городов по Волге. Более высокая военная организация кочевников дала им перевес над оседлыми соседями, и то обстоятельство, что все государство именовалось «Болгарским», показывает, что болгары подчинили себе окрестные племена“.⁷⁹

Сказанное, очевидно, относится к начальному периоду сложения Болгарского государства. Однако впоследствии потомки самих этих болгар, оказавшись оседлыми высококультурными земледельцами, стали, как уже отмечалось, соперниками кочевников последующих волн, тюрков — огузов и кипчаков (X—XIII вв.).

„В конечном счете в процессе скрещения двух элементов, — замечает проф. Л. З. Заляй, — кипчакское «й» приобретает господствующее положение и утверждается в татарском языке как литературная норма“.⁸⁰ Наибольшую устойчивость показала фонема *й*, которая „сохраняется в большинстве тюркских диалектов, включая древнетюркский, орхонский и

⁷⁷ Л. Заляй. Татарская диалектология, стр. 55.

⁷⁸ С. П. Толстов. По следам древне-хорезмийской культуры. М.—Л., 1948, стр. 242—245.

⁷⁹ А. П. Смирнов. Волжские болгары, стр. 26—27.

⁸⁰ Л. Заляй. К вопросу о происхождении татар Поволжья... стр. 85.

половецкий".⁸¹ В истории татарского языка наглядный пример проявления устойчивости *й* — нукратский говор, где ныне наблюдается только „йоканье“, тогда как датированные XIV в. болгарские эпитафии здесь говорят об имевшем место „джоканье“, теперь совершенно отсутствующем.

В ходе разбора небольшого языкового материала памятников II стиля мы видим, как современный язык казанских татар своими диалектальными особенностями перекликается с древнеболгарским языком. Одним из основных отличий его ныне являются вышеуказанные звуковые переходы, послужившие главной причиной непризнания некоторыми учеными болгарского происхождения этого языка. Поэтому мы никак не можем согласиться и с утверждением Б. А. Серебренникова, что начало татарскому языку положил кипчакский.⁸² Не отрицая определенной роли этого языка в формировании современного татарского, следует указать, что кипчакский и огузский языки, наслоившись на древнеболгарский, резко изменили направление его развития при том же, в основном, этническом (болгарском) субстрате. Процесс этот не коснулся чувашского языка, с его финно-угорским субстратом.

Выше мы видели, как далеко в глубь болгарской старины уходят исторические корни татарского языка, имеющего прямое отношение к языку памятников как I, так и II стиля, вопреки всяким попыткам умаления роли древнеболгарского языка в истории формирования татарского.⁸³ Материалы татарской диалектологии, с одной стороны, и древнеболгарский язык, с другой, находятся в тесной взаимосвязи. Таким образом, из консолидации древнеболгарского языка в течение длительного времени с огузо-кипчакскими языками получился современный казанско-татарский, близкий к языку I стиля надгробий, со многими элементами древнеболгарского языка.

Возникает вопрос: когда же закончился процесс сложения новоболгарского языка, сменившего древнеболгарский?

Судя по дате памятников II стиля, язык их бытовал и во второй половине XIV в., ибо самый поздний из известных нам памятников этого стиля датирован 1358 г. После этого мы их нигде не находим. Это в свое время было подмечено

⁸¹ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1934, стр. 41.

⁸² Б. А. Серебренников. К вопросу о действительных взаимоотношениях... стр. 73.

⁸³ М. Сафаргалеев. Один из спорных вопросов истории Татарии. Вопр. истории, 1950, № 7, стр. 76.

и проф. Н. Ф. Катановым. Однако, считая его замечание справедливым, мы ни в коей мере не поддерживаем его выводов относительно отатаривания чуваш, которым, по его мнению, и принадлежали указанные эпитафии.⁸⁴

Начиная с болгарских надгробий, датированных 1382 и 1399 гг., которые мы выше назвали переходными по своему внешнему оформлению (табл. 44, 45), мы наблюдаем наличие на памятниках только одного языка, причем вполне сходного с языком надгробий I стиля, в котором совершенно не встречаются те архаические числительные, какие имели место на памятниках II стиля. Как же объяснить, что за такой короткий период — в 20—25 лет — исчез язык II стиля памятников? Некоторые, не объясняя этот факт, просто обходят его молчанием,⁸⁵ другие же объясняют его „сменой древней болгарской культуры казанско-татарской культурой“ и „вытеснением болгарских элементов языка элементами казанско-татарского языка“, хотя не могут не признать малочисленность надгробных надписей, содержащих, как они выражаются, „татаризмы“.⁸⁶ Куда же могла деваться та феодальная верхушка болгарского общества, которой преимущественно принадлежали надгробия с „чувашизмами“? „Отатаривание“ их за такое короткое время невозможно. Дело здесь в том, что после разгрома болгар Булат-Тимуром в 1361 г. Болгария в значительной мере потеряла свое политическое могущество, территориально переместилась к северу, в места с другими физико-географическими условиями и иной этнической средой. Все это не могло не отразиться на экономике и культурных традициях общества. Поэтому изменилась и традиция — писать эпитафии на древнеболгарском языке, который задолго до этого перестал быть разговорным и употреблялся лишь как язык эпитафии. В свете этого явления интересно высказывание проф. А. П. Смирнова по поводу связей болгар с кипчаками. Он говорит: „Эти близкие политические и культурные взаимосвязи определили и языковую ассимиляцию левобережных болгар. По-видимому, еще в домонгольскую эпоху язык болгар претерпел значительные

⁸⁴ Н. Ф. Катанов. Чувашские слова..., стр. 11. — Говоря об этом, автор в то же время проходит мимо такого факта, как отсутствие эпитафий с так называемыми „чувашизмами“ в XV, XVI и XVII вв. (т. е. до крещения чуваш) на самой территории Чувашии, где мы находим во множестве памятники XVI в. только на татарском языке.

⁸⁵ В. Д. Дмитриев. Некоторые исторические данные..., стр. 110—112.

⁸⁶ Н. А. Андреев. Чувашские порядковые числительные..., стр. 244.

изменения".⁸⁷ По мнению А. П. Смирнова, близость к кочевому миру, сыгравшая большую роль для левого берега, не могла повлиять на лесное правобережье; поэтому культура населения правобережья не подвергалась такому внешнему воздействию. Кстати, следует отметить и то, что малое число памятников I стиля и большое число памятников II стиля ничуть не отражают соотношения распространенности болгарского и кипчакского языков в Булгарии, что хотят доказать некоторые авторы.⁸⁸ Количественное преобладание памятников II стиля, написанных на древнеболгарском языке, когда этот язык в качестве разговорного уже вышел из употребления, является лишь показателем живучести старой традиции и привязанности болгар к своему древнему языку.

Время сложения новоболгарского языка и окончательного растворения в нем древнеболгарского, иными словами — „исчезновения“ последнего как разговорного языка, надо отодвинуть значительно назад, к X—XI вв., т. е. ко времени образования Болгарского феодального государства. Как на некоторый ориентир можно указать, например, на то, что в начале X в. у болгар Ибн-Фадланом уже зафиксировано употребление в произношении одного и того же названия реки наряду с *p* и фонемы *z* (*Джаушир* || *Джаушыз*).⁸⁹ Однако бытование древнеболгарского языка (до 1359 г.) на камнях — святынях болгар — было уже только пережиточным существованием его как языка надгробий.

Подобного рода примеров пережиточного существования мертвых языков в истории народов мы знаем немало — старославянский, древнееврейский, коптский и др., употреблявшиеся только в богослужении. Немало известно подобных аналогий и из погребального обряда у различных народов. Например, русские в Татарии (правобережье Волги), живя среди татарского населения, ранее носили в быту татарские лапти, но при похоронах обували покойников только в русские лапти.⁹⁰ Наконец, на татарских кладбищах много подобных архаизмов и на современных надгробиях (XIX—XX вв.), где часто читаем вместо *улы* 'сын' древнюю форму — *углы*,

⁸⁷ А. П. Смирнов. Археологические памятники Чувашии и проблема этногенеза чувашского народа. Сб. „О происхождении чувашского народа“, Чебоксары, 1957, стр. 26.

⁸⁸ В. Д. Дмитриев. Некоторые исторические данные... стр. 112.

⁸⁹ А. П. Ковалевский. 1) Книга Ахмеда ибн-Фадлана... стр. 131, 139; 2) Чуваша и болгары... стр. 19.

⁹⁰ Е. П. Бусыгин. Взаимовлияния русских с народами Поволжья (по этнографическим материалам XIX в.), стр. 16 (рукопись).

что можно наблюдать на камнях I стиля в XIV в., а вместо *تاریع منکده* (по летосчислению в тысяча) — форму *بنکده*, что сплошь и рядом встречается в книге XII в. „Кисса-и-Йусуф“ (*قامتی بنک دینار*), — стр. 100), не говоря уже о более поздних памятниках. Аналогичное явление можно отметить и в отношении русских надгробий, многие из которых в недавнем прошлом писались на старославянском языке.

Что касается болгарско-чувашических отношений в свете языка надгробий II стиля, то основным в этом вопросе является расшифровка болгарских числительных, исходя из некоторого фонетического сходства с ними чувашских числительных, вернее из ротацизма чувашского языка:

Чувашский: чер 'сто'

Булгарский: *جور* 'сто'

Татарский: *جووز — йоуз* (жөз — йөз) 'сто'

Только на основе такого простого сопоставления, без учета исторических корней этих языков, несколько поколений ученых ставили знак равенства между чувашами и булгарами.

О генезисе чувашского языка ныне довольно четко высказался в своем докладе на сессии, посвященной этногенезу чувашского народа, Б. А. Серебренников: „Нам кажется, что в настоящее время можно сделать вполне определенный вывод о том, что к моменту вторжения тюркских племен на территорию Чувашии значительная часть этой территории была занята древнемарийскими племенами и язык тюркских пришельцев наслаивался на марийский языковой субстрат. В процессе этого языкового взаимодействия верх одержал язык тюркских пришельцев“.⁹¹ Здесь под тюрками несомненно надо подразумевать болгар, пришедших из Приазовья.

Критикуя доводы сторонников теории болгарского происхождения чуваш, проф. П. Н. Третьяков, выступая на сессии Академии наук СССР, посвященной вопросу происхождения чуваш, говорил: „Упомянутые ученые исходили из того, что среди современных народов, живущих в пределах Волжской Болгарии, один лишь чувашский народ обнаруживает в своем языке древние тюркские черты. Другим аргументом в пользу болгарской теории явились несколько отдельных чувашских слов и имен, обнаруженных на болгарских могильных плитах с арабскими надписями. Никаких иных данных

⁹¹ Б. А. Серебренников. Происхождение чуваш по данным языка, стр. 40.

в пользу болгарской теории в распоряжении буржуазной науки не имелось".⁹²

Выше мы уже говорили о наличии в татарском языке интересующего нас ротаизма — фонетического перехода *p* || *э*.

Числительные по своей природе, сравнительно с другими частями речи, имеют значительно более широкую сферу обращения, поэтому, будучи наиболее употребительными и первоначально важными в межплеменном обмене и торговле, они подвержены изменениям (нивелированию) гораздо сильнее, чем другие слова. Вот почему сейчас мы не видим наиболее архаических черт болгарских числительных в татарском языке. Это еще более важно отметить, если мы вспомним общеизвестную большую роль как внешней, так и внутренней торговли в экономической жизни болгар.

Переход впоследствии болгарского *p* в *э* Л. Заляй считает совершившимся в татарском языке под влиянием кипчакского. Между прочим, эту древнеболгарскую фонему *p* мы видим в языке мари в заимствованных, очевидно, от болгар слов: *Юмо ояр*⁹³ 'небо ясное', где *ояр* 'ясное' соответствует *аяз* в современном татарском языке.

На примере искажений болгаро-татарских слов в языке мари можно легче уяснить себе фонетические особенности языка чуваш, воспринятого последними от болгар:

Марийский	Булгаро-татарский
<i>Ака</i>	<i>Ака</i> 'старший'
<i>Окса</i>	<i>Акча</i> 'деньги'
<i>Пасу</i>	<i>Басу</i> ⁹⁴ 'поле'

В точности такая же картина повторяется и в фонетике чувашского языка. Звуковое сравнение чувашских и болгарских числительных позволяет отметить, что они не совсем совпадают; факт этот в свое время был подмечен и Н. И. Ильминским, который определил эти древние формы как нечто „среднее переходное между тюркским и нынешним чувашским“.⁹⁵ На этом основании он допускает предположение, что „чувашский язык, некогда особенный, финский, впослед-

⁹² П. Н. Третьяков. Вопрос о происхождении чувашского народа. . . , стр. 45.

⁹³ Уч. зап. Марийск. научно-исслед. инст. яз., лит. и истор., т. I, 1948, вып. 1, стр. 110.

⁹⁴ Там же, стр. 90. — В словах *окса*, *ояр* мы видим следы оканья, характерного для языка II стиля болгарских надгробий.

⁹⁵ Н. И. Ильминский. О фонетическом отношении. . . , стр. 84.

ствии уже существенно изменился от влияния тюркского языка".⁹⁶

Не всецело болгарским признает чувашский язык проф. В. Г. Егоров, указывая на добулгарские нетюркские элементы как в словарном составе (в том числе в топонимике и ономастике), так и в грамматическом строе.⁹⁷ Исходя из лингвистических, археологических и этнографических данных, В. Г. Егоров приходит к заключению о происхождении чуваш от местных угро-финских племен, из которых формировались финно-угры Среднего Поволжья.⁹⁸ О принадлежности чуваш в основе к финно-угорской культуре говорит и отсутствие в их мифологии выразительного термина языческо-шаманских верований тюрков — *күт* (قوت) 'душа', имевшего место в верованиях якутов, алтайцев, казахов, киргизов, узбеков, башкир, татар и др. Говоря о материальной культуре чуваш, мы отмечаем преимущественно финно-угорский характер ее, в особенности орнамента.⁹⁹

Соответствие болгарскому аффрикату (џ) (дж) чувашского мягкого свистящего спиранта *Ҹ* напоминает фонетические особенности русских слов, заимствованных татарами:

Русский	Татарский
<i>казенное</i>	<i>кажунни</i>
<i>озимь</i>	<i>ужым</i>

Соответствие *з* || *ж* аналогично соответствию в чувашских заимствованиях из болгарского. Таким образом, по-видимому, в чувашском языке, с его значительными финскими элементами, мы имеем наслоившиеся на древнюю финскую почву заимствования скорее всего от волжских болгар, под властью и сильным воздействием которых чуваша находились до распада Булгарского государства.¹⁰⁰ Заслуживает внимания предположение Б. А. Серебrenникова (исходя из фонетических особенностей) об обособлении чувашского языка, родственного болгарскому, в самостоятельный язык еще до прихода

⁹⁶ Там же, стр. 84.

⁹⁷ В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык, ч. 1, стр. 10—16.

⁹⁸ Там же, стр. 10—11.

⁹⁹ Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. С. Романов, А. Р. Симонова. Чуваша, ч. I. Чебоксары, 1956, стр. 386.

¹⁰⁰ А. П. Смирнов и Н. Я. Мерперт. Вопросы этногенеза народов Поволжья. Вестн. АН СССР, 1955, № 10, стр. 53.

булгар на Волгу.¹⁰¹ Об этом же писал ранее и В. Г. Егоров.¹⁰²

В исторической литературе отмечается проникновение в чувашское Поволжье в более ранний период — в середине первого тысячелетия н. э. — тюркского элемента, связанное с приходом гунно-сарматов.¹⁰³ К более древнему периоду, „задолго до V в. до н. э.“, относит проникновение тюркского языка в Поволжье и Урал С. Е. Малов.¹⁰⁴

Однако, по мнению проф. А. П. Смирнова, усиление тюркского влияния в Среднем Поволжье имеет место со времен хазар и булгар,¹⁰⁵ при более тесной и длительной связи последних с аборигенными угро-финскими племенами.

Частичному отюречению (обулгариванию), очевидно, подверглись мадьяры, в большинстве своем переселившиеся в конце IX в. из пределов западной Башкирии в Венгрию после двухсотлетнего соседства с булгарами. Об этом свидетельствует наличие в языке современных мадьяр, наряду с целым рядом других тюркских слов, термина *velyeg* 'клеймо', 'знак';¹⁰⁶ этот термин в смысле „памятник—знак“ встречается на каждом болгарском надгробии II стиля в виде *بلوی*. Отсюда и название надгробий: *تاش بیلگی* (*tāsh bilgi*) — в татарском языке буквально „каменный знак“.

Аналогичное отюречивание мы наблюдаем сегодня в удмуртских и чувашских селах Татарии, где язык удмуртов и чуваш сильно разбавлен татарскими словами. Мало того, молодежь в этих селах говорит почти только на татарском языке, забывая и подчас коверкая свой родной язык.¹⁰⁷ Характерным в этом отношении является село Мордовские Каратаи Камско-Устьинского р-на, где население разговаривает по-татарски, одевалось до недавнего времени по-мордовски и считает себя потомками мокши.¹⁰⁸

¹⁰¹ Б. А. Серебряников. К вопросу о действительных взаимоотношениях... стр. 73.

¹⁰² В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык, стр. 18, 19, 22, 75.

¹⁰³ П. Н. Третьяков. Вопрос о происхождении чувашского народа... стр. 48.

¹⁰⁴ С. Е. Малов. Древние и новые тюркские языки. Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз., т. XI, 1952, вып. 2, стр. 137.

¹⁰⁵ А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 83.

¹⁰⁶ Русско-венгерский словарь. Сост. Э. С. Хаас. М., 1947, стр. 127.

¹⁰⁷ Удмуртское село Удмурт-Ташла Бавлинского р-на, чувашское село Каран-Азиково Матвеевского р-на, татарско-русское село Верхний Арняш Кзыл-Юлдузского р-на ТАССР.

¹⁰⁸ Н. И. Воробьев. Отчет о поездке с этнографической целью в Свияжский и Тетюшский кантоны ТАССР летом 1927 г. Вестн. научн. общ. татаровед., 1928, № 8, стр. 111.

Утрате с течением времени болгарским языком его архаических фонетических элементов (ротадизма) способствовали тесные культурно-экономические сношения болгар с другими тюрко-мусульманскими народами (с характерным для их языка звуком *э*), усилившиеся особенно в XII—XIII вв.¹⁰⁹

Географическое положение территории, где жили предки чуваш — суазы, которые, по словам проф. А. П. Ковалевского, не принадлежали к числу болгарских племен,¹¹⁰ а также специфика их хозяйственного уклада, принадлежащего в основном к финской лесной культуре,¹¹¹ заставили их держаться в стороне от болгаро-татарских отношений, и это в значительной мере способствовало сохранению древних черт языка, воспринятого ими у болгар. По словам С. П. Толстого, „мы просто можем сказать, что большая близость чувашского языка к древнеболгарскому объясняется тем, что в своем дальнейшем развитии чувашский язык впитал в себя меньше этих последующих волн тюркского влияния с юга, с востока и сохранился, таким образом, на более архаической стадии и удержал то, что С. Е. Малов называет более древним типом“.¹¹²

Аналогичную мысль высказал по этому поводу и проф. П. Н. Третьяков: „Местные племена, вошедшие впоследствии в состав татарского народа и обитавшие ниже по Волге, чем предки чуваш, издавна значительно больше, чем последние, были связаны с миром степей. Процесс тюркизации не мог развертываться здесь более энергично и в то время, когда в среде предков чувашского народа этот процесс не пошел дальше того уровня, какой был достигнут в эпоху Волжской Булгарии, в среде предков татарского народа он продолжался и впоследствии. Еще в эпоху Волжской Булгарии сюда проникали печенежско-огузские и кипчакские (половецкие) элементы. Во время татаро-монгольского завоевания и в период существования в Волго-Камье Казанского ханства приток кипчакских элементов, доминирующих в Европейской

¹⁰⁹ Здесь нельзя не отметить факт влияния болгарского языка на язык западных башкир, что видно из „джоканья“ языка эпитафии начала XVIII в. на кладбище с. Чишмы (تريچ مينگدا يوزدا اوطظ جتيدا).

¹¹⁰ А. П. Ковалевский. Чуваш и болгары..., стр. 49. — То, что суазы действительно являются предками чуваш, не доказано.

¹¹¹ Н. И. Воробьев. Этногенез чувашского народа по данным этнографии. Сов. этногр., 1950, № 3, стр. 66—78.

¹¹² См. выступления С. П. Толстова и С. Е. Малова на сессии Академии наук СССР, посвященной происхождению казанских татар: сб. „Происхождение казанских татар“, стр. 145, 117—118.

части Золотой Орды, не мог не продолжаться. В среду предков чувашского народа кипчакские элементы почти не проникали. Их язык развивался на местных и старых тюркских основах. Этим обстоятельством, по-видимому, и объясняется, почему в Волго-Камье образовался не один тюркоязычный народ, а два — чувашский и татарский¹¹³. Так же высказывается по этому поводу и ряд других авторов.¹¹⁴

Этим, в частности, объясняет и проф. Н. И. Воробьев то, что в быту казанских татар преобладают черты, характерные для степи.¹¹⁵

Таким образом, из всего сказанного вытекает, что ошибка последователей теории болгарского происхождения чуваш заключалась в том, что они только на почве механического сопоставления болгарского и чувашского языков отождествляли их и строили „китайскую стену“ между татарским и болгарским языками, не вникая в исторические корни татарского языка, локализованного в основном на территории бывшего Болгарского государства. Вот почему глубоко ошибочен применяемый до сего времени в отношении болгарского языка на надгробиях термин „чувашизмы“; он противоречит также и исторической стороне этнонима „чуваш“, известного из русских летописей лишь с XVI в. До сего дня некоторые ученые, говоря о болгарском языке, придерживаются иногда принципа простого сопоставления его с чувашским (и не обходятся без двойного термина: „болгаро-чувашский“), забывая, что лингвистические исследования должны быть проникнуты глубоким историзмом, ибо взаимную связь между древними и современными языками можно обнаружить не только при рассмотрении языковой системы на данном этапе, — она ярче выступает при историческом подходе к делу. Как известно, генетическая связь казанских татар с булгарами, кроме языка, прослеживается и при сравнительном изучении их культуры, антропологии и этнографии.

Нельзя поэтому согласиться и с Г. С. Губайдуллиным, ограничившим историю приволжских татар только историей Казанского ханства.¹¹⁶

¹¹³ П. Н. Третьяков. Вопрос о происхождении чувашского народа. . ., стр. 53.

¹¹⁴ Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. Р. Романов, А. Р. Симонова. Чуваш, ч. I, стр. 32—33.

¹¹⁵ Н. И. Воробьев. Происхождение казанских татар по данным этнографии. Сб. „Происхождение казанских татар“, Казань, 1948, стр. 80.

¹¹⁶ Г. С. Губайдуллин. К вопросу о происхождении татар. Вестн. научн. общ. татаровед., 1928, № 8, стр. 141.